

Дискуссия

Борис Славин. У меня есть вопрос. Здесь очень хорошо говорили наши друзья из Германии о проблемах между «осси» и «весси» – между Востоком и Западом. Но говорили в основном в одном ключе – что стало лучше. Я хотел бы от вас услышать, какие сохранились противоречия и трудности в Западной Германии после падения Стены? Насколько я знаю, существуют проблемы, как раз связанные с различием жизни одной половины и второй половины Германии.

Михаил Горбачев. Можешь продолжить и сказать: какие трудности. На твой взгляд, какие трудности?

Борис Славин. На мой взгляд, конечно, восточные немцы приобрели очень много позитивного и в плане свободы, о которой здесь говорилось, и в другом плане. Но социальная справедливость выходит сейчас на первое место. Я хотел бы узнать, какие проблемы сегодня существуют в Германии, связанные или унаследованные от того времени, когда была Стена? Не только в позитивном, но и в проблемном плане? Мне многие восточные немцы говорили, что они приобрели много, но многое потеряли.

Мне вспоминается, как я задал вопрос китайскому рабочему: где было лучше жить – при Мао Дзэдуне или при Дэн Сяопине? Он мне ответил: при Дэн Сяопине стало лучше жить, но справедливости стало меньше.

Здесь аналогия с восточными и западными немцами есть или нет?

Кристоф Ланц. На вопрос, который Вы поставили нам, может быть, ответит Томас Кунце. Но я просто хочу Вас проинформировать о том, что, например, в Тюрингии – в одной из федеральных земель – мы непосредственно стоим перед тем, что у нас возникнет коалиция социал-демократов и партии левых, то есть бывшей ГДРовской правящей партии и «зеленых». То есть спустя двадцать пять лет будет править такая интересная коалиция. И там будет премьер-министром человек из бывшей ГДР.

Томас Кунце. В коммунистических диктаторских государствах было больше справедливости. Что касается социальной справедливости, может быть, да, было большее социальное равенство. Но что касается моральной справедливости, то я здесь очень скептически настроен.

Я хочу еще добавить: то, что сегодня немцы различаются на Востоке и Западе, не связано с ностальгией социальной справедливости.

Дело в том, что с 1949 года восточные немцы жили в определенной системе. Поэтому восточные немцы более чувствительно относятся к тому, что они должны защищать то (те ценности), что у них есть. Эта идея в Западной Европе может быть не так сильно распространена, как у восточных немцев.

Я хочу добавить еще следующее с точки зрения западного немца. Я наблюдал падение двух диктатур. Мой отец родился в 17-м году. Он активно участвовал во Второй мировой войне. Надо сказать, что и я пережил конец

войны. Я понимал, что означает война, какое значение имела Отечественная война для России, насколько все это было ужасно. И тогда у нас в семье сформировалось мнение, что ни в коем случае нельзя допустить войны.

И второе – это связано с объединением. Я повторяю, что никогда нельзя допустить, чтобы люди, которые говорят на одном языке, имеют одну историю, имеют общую семью, были разделены Стеной. Всегда, конечно, остаются какие-то остатки прошлого в нашем сознании. Нельзя полностью уничтожить и вычеркнуть эти воспоминания о предыдущей диктатуре и т.д.

Надо сказать, что это как раз то, что пока еще разделяет восточных и западных немцев - воспоминания. Но наши дети, скажем, уже не мыслят в категориях восточного и западного немца. Нет, они живут в единой стране. У них нет таких воспоминаний. У них единый мир. И так мы хотим жить.

Что касается Вашего вопроса, как это воспринимают восточные немцы, то здесь у нас, в общем-то, есть общий опыт и в Германии, и в бывшем Советском Союзе. Просто жизнь резко изменилась, и все стало иначе, чем было раньше. Естественно, что многие воспринимали время после падения Стены как более сложное, более трудное, потому что они столкнулись с проблемами, которых они до сих пор не знали. В ГДР ты был безработный в рамках завода, а теперь ты стал безработным вне завода. С другой стороны, те, кто потерял работу, имели лучшее материальное обеспечение, чем до раньше.

Естественно, происходит огромная дифференциация населения. Это тоже надо отметить. Но здесь нет ничего общего с уравниловкой. Да, на Востоке бывшей ГДР все были равны. А здесь наблюдается дифференция: у соседа бóльшая зарплата, у него бóльший дом, он может себе позволить вещи, которые я не могу себе позволить. И это воспринимается как социальная несправедливость. Но это не связано с социальной несправедливостью, а связано с тем, что у людей разные возможности, разные шансы, чего не было больше в ГДР. Это создает и определенное неравенство. Но неравенство не значит несправедливость. И понять, что это две вещи, которые не связаны друг с другом, очень сложно. Это требуется определенным образом осмыслить и понять, прежде всего, в смысле того, что у всех должны быть одинаковые шансы, одинаковые возможности, чтобы изменить ситуацию.

Татьяна Ворожейкина. Я хотела бы сказать следующее очень коротко. Когда я смотрела ваш фильм, который был показан перед началом конференции, то испытывала стыд. Потому что я ощущаю свою причастность к тому, как моя страна после войны обустроивала Германию. Стена была построена, чтобы люди не убегали, чтобы заставить их жить так, как они не хотели жить. Это постыдно.

Формально я за это не отвечаю. Я никогда не была членом Коммунистической партии Советского Союза, но я этот стыд чувствую. Подобный стыд я испытываю в этом году в связи с аннексией Крыма

Российской Федерацией и военным вмешательством России на Востоке Украины.

Я поясню, почему я говорю об этом здесь. Я считаю, что перестройка, а именно период 1987- 1991 гг. были решающими событиями в истории России в последнем столетии, по меньшей мере. Они позволяли реально выйти за пределы того, что называется зависимостью от траектории предшествующего развития. Это закладывало вектор, который менял саму природу государства в нашей стране, природу взаимоотношений государства и общества.

К сожалению, этому вектору конец был положен, в общем, в 90-е годы, когда перешли к радикальной рыночной реформе с нереформированным государством. В итоге не получилось ни демократии, ни нормального рынка.

Учитывая сегодняшнюю тему, я хотела бы сказать, что я приношу свою личную благодарность Михаилу Сергеевичу, - за эту попытку выйти за пределы того, что является моделью российского развития - всеподавляющее приватизированное государство и бесправное общество. И за то, что выражалось и во внутренней и во внешней политике – за стремление жить по закону, в том числе и по международному законодательству.

Россия дважды – в 2004 и в 2007 годах – гарантировала территориальную неприкосновенность Украины и ее целостность в тех границах. То, что было сделано в 2004-м году, разрушает этот мир, он идет в противоположность тому, основы чего были заложены при решающем участии Горбачева, и что, наверное, хуже всего – разрушает Россию изнутри.

Реплика из зала. Михаил Сергеевич, за Институт Европы – спасибо. 87-й год – Вы принимаете решение, что впервые можно говорить не о Западной Европе и не о мировой системе социализма. Вы первый, кто вводит понятие Европы. Молодым людям сейчас сложно понять, что не было такого до 87-го года. Должны были разделять капитализм и социализм.

В принципе Вы начали переосмысливать европейское направление, включая концепцию Общеввропейского дома примерно за два-три года до падения Стены. Я видел Вас по телевизору 7 октября в Гамбурге. И ничего не предвещало, что через месяц, ровно через месяц Стена падет.

На прошлой неделе я был в Кемерово. Были восточногерманские коллеги. И они меня уверяли, что уже до 9 ноября Вы провели тайное заседание Верховного Совета, на котором уже получили от депутатов согласие на то, что Германия будет объединяться. Я в это не поверил. Я не верю в том, что уже в октябре-ноябре могли быть такие обращения с Вашей стороны к депутатам.

Но тем не менее вопрос я поставлю. Вы ожидали таких быстрых процессов объединения двух немецких государств? Падение Стены – это важный фактор. Люди стали переходить границу. Но тем не менее 9 ноября не было десяти тезисов Коля, которые были написаны Тельчиком и были представлены 28 ноября, и которые поменяли эту ситуацию.

Ваше видение к тому времени? Ожидали или нет? Потому что мы, германисты, этого не ожидали. И Вы знаете позицию Фалина и других германистов. Вот такой вопрос: Ваше видение в то время?

Михаил Горбачев. Уже в июне-июле и в августе мы видели, что движение за воссоединение набирает силу. И знали, что это вопрос, который скоро придется решать. На встрече с канцлером Коелем в июне заявили о том, что это дело будущего. Это, я вам скажу, не новость, что в прогнозах ошибаются. Ленин давал интервью в библиотеке в Швейцарии немецким или каким-то газетам. Его спросили, в частности: господин Ленина, а когда произойдет революция в России? Он сказал, что это дело далекого будущего, это в новом веке и т.д. А в феврале произошла Февральская революция.

То, что касается революций и как они происходят, эта тема и вроде бы изученная и известная, и вместе с тем это всегда новый вопрос.

Я думаю, что здесь ничего особенного нет: ожидали мы или не ожидали. Процесс шел в этом направлении. Потому что никто не мог вернуть назад то, что произошло и определило коренным образом, решительным образом то, что произошло с Германией уже в ноябре. А именно: изменения в Советском Союзе, изменения в Европе, изменения в отношениях между крупными странами, изменения отношений между Америкой и Советским Союзом. Все это уже набрало силу, и вообще жизнь менялась во всех направлениях. Никто не знал, как это повернется.

Есть такая книга «Союз можно было сохранить». В самом деле это явилось тем шагом, который потом предопределил, как пошли события. Но ведь до этого надо было потерять власть Горбачеву. Надо было получить такие удары со стороны своего окружения. А теперь мы узнаем, что работали и клубы в тех же Соединенных Штатах Америки в поддержку Ельцина. И задача этих клубов базировалась на выводах, которые они сделали. Я думаю, вы уже это прочитали – Мэтлок (посол США в СССР в 1987 – 1991 гг. – Ред.) об этом написал.

Давили на Буша, что Горбачев это не то : да, вы с ним прошли этот путь, это так. И Рейган -это все они признавали. Но дальше у Горбачева план такой: укрепить за счет реформ, за счет политических реформ общество, укрепить экономику и удержать социализм. Вот главное.

Поэтому ставка на Горбачева должна быть изменена. И заменили ее. И поддержка шла. Из Беловежья доклад о том, что тройка пришла к этому документу, который свидетельствовать о ликвидации СССР, делался Бушу. То есть вашингтонский обком имел задачи.

Это наука, между прочим, для всех. Без доверия во всех делах, и в том числе международных, трудно рассчитывать на то, что можно что-то добиться. Можно через доверие прийти к тому, к чему мы пришли, - к сотрудничеству по разоружению. И это заслуга того поколения политиков. Они поняли: кто бы ни начал войну в этой ситуации, удар будет по всему миру. И под вопрос будет поставлена судьба цивилизации и планеты.

Это позволило искать решение. Трудно было. Ведь встретились мы в первый день в Женеве. С трудом Рейган вырвался из объятий своих советчиков. Они его не отпускали и говорили: что Вы хотите от коммунистического лидера? У него одно на уме: есть коммунизм – и все. Поэтому бессмысленно туда ехать. Была сделана утечка от министра обороны, его письмо. То есть там шла борьба. Рейган все-таки понимал, что его время истекает, и этот «ястреб» решил и в семье, и в окружении, что надо уходить миротворцем.

Помните, у Берлинской стены Рейган сказал Горбачеву: господин Горбачев, уберите эту Стену. Кстати, мы с его сыном проводили несколько лекций и отвечали на вопросы американцев. Собрались огромные массы людей – тысячи в залах. Да, этот вопрос все время задавали. Я все время повторял одно и то же. И надо было повторять, потому что хотят это услышать. «Подействовало на Вас заявление Рейгана? Именно поэтому Стену убрали, и пошел процесс дальше?». Я отвечал: «Знаете, все выглядит иначе. Если вы хотите знать, как мы оцениваем в Советском Союзе, в руководстве эти высказывания Рейгана, то так: у президента Соединенных Штатов, у того же Рейгана была прошлая специальность – артист. Вот он и разыграл сцену у Стены».

Я думаю, что то, что нельзя было отменить Хельсинские соглашения, разоружение, подписание крупных договоров. И дальше пошли эти процессы – и внутри нашей страны, и в мире, в Восточной, Центральной Европе. Все то, что произошло – мы все понимали – должно было привести к решению немецкого вопроса. Это произошло раньше, чем мы ожидали.

Было много противников – вообще многого, не только этого. И до сих пор их высказывания идут лавиной.

Короче говоря, мне это все было известно. Это я уж знал. Но надо было идти этим путем. Я был уверен, что мы встали на правильную дорогу. До конца я в это верил.

Потом была борьба на съездах, в Верховных Советах. И, наконец, Сажу Умалатову Лукьянов подготовил, так сказать, преданного человека. Она же выступила на съезде и внесла в повестку дня предложение об освобождении президента Горбачева от обязанностей президента.

Это было в 90-м году. А весной 91-го года состоялся пленум (апрельский Пленум ЦК КПСС 1991 г. – Ред.) Были выступающие, пошли вразнос. Критика была – отовсюду. Но я это тоже знал. Меня это уже не смущало. Потому что я свой выбор сделал. На этом пленуме я встал и сказал: мне все ясно. Вы подготовились. С таким Центральным Комитетом и так, как вы ведете дело, я не смогу работать. Я ухожу, подаю в отставку. И ушел из зала заседания. Пять часов они торговались: что же делать с Горбачевым. Через пять часов они начали меня уговаривать. Я согласился. Спросят: а почему Вы согласились? Уже в новой ситуации – думаю, это была ошибка. Но тогда у меня была позиция такая: оставить – разнесут эту партию. Надо

соглашаться. Я согласился – остался. А в перерыве, по-моему, около ста человек или около того ходили и собирали подписи за создание партии Горбачева.

Вообще надо было мне уходить. Мы же наметили съезд на ноябрь 91-го года. Поэтому они спешили: надо избавляться от Горбачева. Не получается ничего. И когда они увидели, что в открытой политической борьбе у них ничего не получается, то начали готовить переворот, который состоялся.

В вопросе объединения Германии, я думаю, все получилось здорово. И даже те, кто был против, тем не менее, все подписались под соглашением, которое вместе мы выработали. И я воздаю всем должное.

Что значит быть серьезным политиком? Они до конца бились за то, чтобы не объединять Германию, но когда дело подошло к тому, что встал вопрос об объединении, все поставили подписи – и Маргарет Тэтчер, и Миттеран. Конечно, имело значение то, что Горбачев и Буш выступили за объединение. Но ситуация была такая, что независимо от того, как бы вели себя мы в Советском Союзе, немцы пошли бы на объединение. Буш поддерживал, Америка поддерживала их активно.

Я не только не считаю, что мы ошиблись с объединением Германии, но скажу больше. Я могу гордиться тем, что мы смогли это сделать. Ликвидировали в мировой политике и в Европе разделительную линию, открыли дорогу для активного участия объединенной Германии в мировой политике. В таких делах не бывает без споров. Не бывает без срывов. Это же повороты глобального порядка. Поживем – увидим, Но давайте думать. Хотел бы сказать немцам уже сегодня: немцы должны хорошо подумать. Когда они начинают пускать под откос все, что мы достигли, и даже отложили проведение «Петербургского диалога» на неизвестное время, то это должно всех беспокоить – и русских, и немцев.

Анатолий Адамишин. Михаил Сергеевич, у немцев осталось в памяти, что немцы получили объединение из Ваших рук, как ни говори. Именно у немцев в исторической памяти это осталось.

Михаил Горбачев. Я-то думаю, что они сами могли бы решиться. Все шло к этому. Надо было откликаться. Нельзя было унижать так народ.